

1989–1996. СПб., 1997; Анфилада: сб. стих. Potsdam, 1997; Современная культура и Православие. М., 1999; Православие и свобода: Сб. статей. М., 2002; Мене, текел, фарес: Романы, рассказы. М., 2003; Испанские письма. М., 2004.

Лит.: Самойлов Д. [Рец.] // День поэзии-1974. М., 1974; Искандер Ф. [Рец.] // Огонек. 1987. № 21; Марченко А. У жизни женское лицо // Новый мир. 1987. № 12; Ажгихина Н. Разрушители в поисках веры // Знамя. 1990. № 9; Степанян Е. Понятный смысл правдивых разговоров // Континент. 1993. № 74; Машевский А., Пурин А. Письма по телефону, или Поэзия на закате столетия // Новый мир. 1994. № 7; Невзглядова Е. Все зависит, как в музыке, только от пауз, акцентов // Арион. 1998. № 3; Роднянская И. Здесь и там // Новый мир. 1998. № 11; Кырлежев А. Перед лицом огня... // Русская мысль. 1999. № 4270; Нефагина Г. Л. Русская проза второй половины 80-х — начала 90-х годов XX века. Минск, 1998; Гостев Алексей, священник [Рец.] // Новый мир. 1999. № 11; Варва В. Культура в зеркале христианской эсхатологии // Образовательный вестник. 1999. № 1; Фаликов И. Плюсквамперфект // Арион. 1999. № 1; Анненский Л. Ни порвать, ни расстаться // VIP-Premier. 2000. Март-апр.; Дунаев М. М. Православие и русская лит-ра. Часть VI. М., 2000; Бак Д. Просто сложно просто // Арион. 2001. № 2; Табачникова О. Реплика с места // Знамя. 2001. № 11; Кураев Андрей, дьякон [Рец.] // Фома. 2002. 19 июня; Герасимова Л., Герасимова Н. Глубина свободы // Новый мир. 2003. № 1; Варламов А. [О романе «Инвалид детства»] // Фома. 2003. 19 февр.; Кучерская М. Фиалковое сияние // Российская газ. 2003. 19 мая; Немзер А. К вопросу о сострадании // Время новостей. 2003. 22 мая; Шайтанов И. В «конце века» — в начале тысячелетия // Арион. 2003. № 4; Мартыненко О. Испытание игумена Ерма // Московские новости. 2003. 19 авг.; Басинский П. О монахах с любовью // Россия. 2003. 11 дек.; Григорьева А. [Рец.] Мене, текел, фарес // Седьмой континент. 2004. Янв.; Рахаева Ю. Коня на скаку остановим и все такое // Вечерняя Москва. 2004. 3 марта; Новик Вениамин, игумен. Эти китайцы не настоящие; Басинский П. Самые искушаемые // Лит. газ. 2004. № 9; Большаков М. Две книги для свободных умов // Татьянин день. 2004. № 1; Бузынкина В. Олеся Николаева. [Рец.] Мене, текел, фарес // Нескучный сад. 2004. № 1; Винников В. Все, как у людей // День лит-ры. 2004. № 5.

А. В. Витте, В. И. Славецкий

НИКОЛЬСКАЯ Анна Борисовна [1(13).12.1899, Петербург — 21.11.1977, Алма-Ата] — прозаик, переводчик.

Дочь Б. В. Никольского; крестница Г. В. Чичерина, в 1905 порвавшего отношения со своим отцом по политическим мотивам. После окончания в 1917 первой на курсе с золотой медалью Александровского ин-та (привилегированного учебного заведения для

благородных девиц) поступила в Харьковский ун-т, в течение года не имея сведений о родных. В нояб. 1918 приехала из Харькова в Петроград, оформив перевод в Воронежский ун-т. После расстрела отца с авг. 1919 на попечении Н. остались тяжелобольная мать и младший брат Роман, впоследствии отрекшийся от семьи, ставший сотрудником ОГПУ и расстрелянный в 1937. Поездка в нач. 1921 в Москву к Чичерину (в ходе которой Н. познакомилась со Сталиным) реально помогло не увенчалась. Чтобы выйти из категории лишенцев и заработать трудовой стаж, в начале 1920-х Н. работала на Волховстрое, где организовала общеобразовательные курсы для рабочих. Производственный стаж дал ей возможность поступить на ф-т общественных наук ЛГУ, откуда ее периодически исключали за происхождение; по окончании она была оставлена в аспирантуре Науч.-исследовательского ин-та сравнительного изучения лит-ры и языка Запада и Востока при ЛГУ, из которой в 1930 была исключена как чуждый элемент.

Прекрасно владевшая французским, немецким и славянскими языками, Н. занималась переводами, среди них — «Принц Каффар» Ж. Дюамеля (Л., 1925), а также преподавала в ликбезе, партшколе и Ин-те истории искусств (науч. стаж — с 1924). Н. участвовала в ряде фольклорных и этнографических экспедиций Академии наук, читала в университете курсы палеографии и древнерусской лит-ры. Ученица В. Н. Перетца и деятельная участница его семинара с 1922 Н. работала над монографическими «очерками по истории стиля в древнерусской литературе», которые, по ее замыслу, должны были состоять из 2 частей, посвященных соответственно изображению природы и внешности человека в древнерусских лит. памятниках. Работа заслужила похвалу А. В. Луначарского, ходатайствовавшего об ее издании со своим предисл. (Ровенский. — С. 62). С конца 1920-х — науч. сотрудник Комиссии древнеукраинской письменности при Всеукраинской Академии наук, что позволяло ей сохранять определенную независимость от идеологических кампаний конца 1920-х, сильно проредивших ленинградскую академическую науку. В 1931 по рекомендации Н. Я. Мара Н. была принята на должность старшего палеографа Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР (куда она в 1919 передала архив отца; ныне в ГАРФ и РГИА); впоследствии в ее ведении также находился кабинет инкунабулов и хранение особо ценных фондов. Летом 1933 бы-

ла арестована; сама Н. считает виновником происшедшего директора БАН И. И. Яковкина (друга семьи Н.), которому она препятствовала в санкционированном свыше расхищении неучтенных фондов (см. ее повесть «**Иннокентий Васильевич**» // Простор. 1987. № 9; републикация: Леонов В. П. Судьба библиотеки в России. СПб., 2000). После ареста Н. ее мать покончила с собой. Была присоединена к сфабрикованному органами ОГПУ в 1933–34 по так называемому «Делу славистов»; постановлением ОСО Коллегии ОГПУ от 2 апр. 1934 Н. была выслана в Алма-Ату.

В конце 1920-х Н. познакомилась с учившемся в Ленинградском ун-те М. О. Ауэзовым, который встретил ее в Алма-Ате; благодаря ему в ссылке Н. активно участвовала в работе СП Казахстана. Выучив казахский яз., Н. приступила к стихотворному переводу лироэпической поэмы «Казы-Корпеш» и «Боян-Слу», казахского народного эпоса «Кыз-Жибек» и стихов одного из основоположников казахской лит-ры М. Утемисова; прозой переводила народные сказки. Н. много публиковалась в периодике Казахстана, но основным местом ее работы был Казахский педагогический ин-т, где она преподавала французский яз. и читала курсы древнерусской лит-ры и французской лингвистики.

В нояб. 1937 Н. была вновь арестована; решением ОСО от 10 дек. 1937 она была приговорена к 10-летнему заключению. До весны 1943 Н. находилась в лагере на севере Свердловской обл., откуда была активирована по инвалидности. На положении ссыльной Н. поселилась в Тастане (пригород Алма-Аты), где снимала угол в землянке. Последствиями заключения у Н. были туберкулез, бронхиальная астма, ревматизм, язва желудка; она мучилась непрерывными головными болями — последствием избиений в ходе следствия, когда от нее добивались показаний на В. Н. Перетца. Зачастую не имея возможности работать за единственным столом в землянке, Н. была вынуждена заниматься переводами на земляном полу.

Благодаря М. О. Ауэзову Н. получила возможность зарабатывать лит. трудом. Среди переведенного Н.— «Походные песни» поэта-фронтовика Ж. Саина (Алма-Ата, 1944; совместно с А. А. Хазиним), его же «Песни юности» (Алма-Ата, 1946), «Стихи и песни» М. Утемисова (Алма-Ата, 1948; переизд.: Алма-Ата, 1957), «Избранные произведения» акына Н. Байганина (Алма-Ата, 1946), а также «Курулай-сулу» И. Байзакова и ряд произведений казахских поэтов, неизменно

включавшихся в антологии лучших переводов казахской лирики (Простор. Алма-Ата, 1957; То же. М., 1958; Антология казахской поэзии. М., 1958; Поэты Казахстана. Л., 1978 и др.).

Величайшей заслугой Н. в деле сближения русской и казахской лит-ры является перевод 1-го тома романа М. Ауэзова «Абай» (1945; при участии Т. Муртазина), осуществленный под наблюдением автора; именно с этого, выполненного на полу в землянке, русского перевода Н., выдержавшего около двух десятков изданий, роман был в дальнейшем переведен более чем на 20 яз., войдя в сокровищницу мировой лит-ры. Перевод Н. был издан без упоминания ее имени на титульном листе. Подготовленный Н. в конце 1940-х перевод 2-го тома был издан Гослитиздатом без упоминания ее имени — «перевод с казахского под общей редакцией Леонида Соболева». После жалобы Н. К. М. Симонову в 1949 была создана комиссия под руководством Евгенова, которая предпочла проигнорировать представленные бесправной ссыльной доказательства воровства, совершенного лицом, с середины 1930-х отвечавшим в секретариате СП СССР за руководство казахской лит-рой. Авторство Н. было юридически подтверждено лишь в 1960-е, однако присвоенных Л. С. Соболевым гонораров она не получила (подробнее см.: Жовтис А. Л. 1995. С. 48–49). По свидетельству М. Л. Лозинского, «А. Б. Никольская проявила себя как зрелый мастер русского стиха и русской прозы и по праву должна быть причислена к разряду лучших наших переводчиков» (Жовтис А. Послесловие. С. 262). Также Н. знала узбекский яз.; по заказу СП СССР она подготовила «Обзор детской узбекской литературы» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 9. № 2023).

В 1948 Н. была принята в СП Казахстана; принимала участие в работе его Русской секции (Ю. О. Домбровский, И. П. Шухов, А. Л. Жовтис, А. А. Хазин, Л. И. Варшавский и др.). Изменение официального статуса Н. привело к улучшению ее бытовых условий. В начале 1950-х Н. соединила свою судьбу с жившим в Алма-Ате известным биохимиком Б. И. Ильиным-Какуевым. В 1956 Н. была реабилитирована по обоим делам «за недоказанностью обвинения», получив возможность преподавать в Алма-Атинском ун-те (до 1972). В 1950–60-е Н. много переводила казахских авторов (в т. ч. Т. Аханова, С. Муканова, Г. Мусрепова); свой опыт переводчика она обобщила в статье «**Заботы простого дела**» (Простор. 1967. № 7). Как текстолог Н. участвовала в подготовке СС выдающего

ся казахского просветителя Ч. Валиханова (Т. 1–5. Алма-Ата, 1961–72).

В 1956 Н. приступила к написанию своего главного произведения — мемуарной повести «**Передай дальше**» (первоначальное заглавие «Так было») о созданном ею во время вторичного заключения самодеятельном лагерном театре. Сценическое действие было единственной возможностью заключенных обрести на некоторое время духовное раскрепощение; многим это помогло выжить. Согласно условиям, поставленным лагерной администрацией, пьесы для театра Н. писала сама, причем они должны быть «без идеологического содержания» — в качестве исходного сюжетного материала Н. использовала сообщения из советских газ., прошедших лагерную цензуру. Прочитанная в рукописи повесть Н. заслужила лестные отзывы К. Г. Паустовского, Вс. Иванова, М. Слонимского, Н. С. Тихонова, однако отсутствие возможности опубликовать ее в СССР (против издания за рубежом Н. категорически возражала) побудило Н. в 1965 прекратить работу над ее окончательной отделкой. Рукопись повести была в 1972 передана Н. А. Л. Жовтису, опубликовавшему ее в эпоху т. н. гласности (Простор. 1986. № 10). Замолчанная в Казахстане местной критикой, повесть Н. сразу же стала событием в лит. жизни СССР; о ней, как о замечательном произведении — в ряду тех, которые «породили не только большие разговоры, но и своеобразный всплеск социальной активности» — упомянул в апр. 1987 в своем докладе на пленуме правления СП СССР его председатель В. В. Карпов. Благодаря тому, что в повести Н. герои были выведены под своими собственными именами, некоторые люди узнали о судьбе своих родных.

«Все произведения Н. автобиографичны или основаны на фактическом материале, субъективно воспринятом и переосмысленном. В то же время — это не просто воспоминания, а как правило, сюжетно завершенные, стилистически отточенные и всегда эмоционально насыщенные картины живой жизни» (Жовтис А. 1987. С. 132). Излюбленным жанром Н. был рассказ; большинство их обращено в прошлое — то, в чем современники видели лишь анекдотический случай, в изложении Н. приобретает характер неизбежного сцепления событий во всех его странностях и несообразности (см., например, рассказ «**Да будет воля моя!**» об истории находки записок матери К. Ф. Рылеева в тайнике, находившемся в доме известного консервативного публициста Е. В. Богдановича). Проза Н. на-

писана ясным и чистым языком; ее отличает исключительная точность в передаче деталей. Все написанное Н. отмечено высочайшим тактом, обусловленным стремлением автора объяснить, прежде всего — самой себе, действия описываемых ею лиц, в том числе и направленные против нее. Рассказ «**Геленджик**» об истории поиска лермонтовских материалов в местном краеведческом музее получил восторженную оценку И. Л. Андроникова.

Несмотря на известность в лит. кругах Ленинграда и Москвы, куда Н. почти ежегодно приезжала во время отпуска, ее проза издавалась лишь в Алма-Ате, где в ней видели одного из самых деятельных участников казахско-русского лит. сближения. Посмертно подготовленный к печати в начале 1980-х сб. «Избранного» Н. света не увидел, несмотря на ряд положительных рецензий. Полный текст повести, а также ряд впервые (за единственным исключением) публикуемых рассказов Н. составили однотомник с предисл. С. Юрского и послесл. А. Жовтиса, изданный в Алма-Ате в 1989. Этим изданием до настоящего времени ограничиваются публикации творческого наследия Н., которое без преувеличения можно отнести к лучшим образцам русской прозы послевоенного времени.

Соч.: Листки воспоминаний // Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников. Алма-Ата, 1972. С. 159–168; О ритме художественной прозы // Вопр. лит.-ры. 1973. № 7. С. 121–126; Неписанные истории. Алма-Ата, 1963; Пропавшие письма. Алма-Ата, 1968; 1976; Передай дальше! Рассказы, повесть / сост., послесл. А. Л. Жовтиса. Алма-Ата, 1989.

Лит.: Ровенский Н. С. Талант и провинциальность. Алма-Ата, 1967. С. 61–66; Анов Н. Анна Борисовна Никольская // Простор. 1969. № 12. С. 64–67; Устинов А. А. Точка опоры. Алма-Ата, 1982. С. 385–388; Жовтис А. Л. Передано людям // Простор. 1987. № 10. С. 127–133; Иванова Н. Б. Точка опоры: О прозе последних лет. М., 1988. С. 386–389; Жовтис А. Л. Непридуманные анекдоты. М., 1995.

М. П. Лепехин

НИКОЛЬСКИЙ Борис Владимирович [3(15). 10.1870, Петербург — 11.6.1919, Петроград] — поэт, переводчик, публицист.

Потомственный дворянин. Внук священника; сын профессора русской словесности С.-Петербургской Духовной академии и Александровского лицея В. В. Никольского (1837–83) — известного пушкиниста, создателя Пушкинского музея в Александровском лицее, видного музыкального критика, близ-